

Хэ Е посмотрел на него и ответил честно:

— Двигается без проблем, сама себя обслуживает. В общем, почти полностью восстановилась.

— Чтобы человек, вышедший из комы, снова научился жить самостоятельно, нужно не день и не два, — заключил Чжоу Синьи. — Она очнулась уже давно, да?

Хэ Е не стал отрицать. Хотя он отлично понимал, к чему клонит Чжоу Синьи, скрывать это не имело смысла.

На лице Чжоу Синьи отразилось «я так и знал». Он вспомнил о ком-то, и сердце его сжалось от боли. На мгновение смутившись, он взял себя в руки и спросил:

— Это месть?

— Нет, — не задумываясь, ответил Хэ Е.

Чжоу Синьи усмехнулся. Он, конечно, не поверил. Но Хэ Е не стал ничего объяснять, и Чжоу Синьи пришлось спросить самому:

— Если она очнулась давно, почему вы подняли дело именно сейчас? Неужели в ваших действиях нет и капли личной причины?

— Что такое «сейчас»? — парировал Хэ Е.

Он прекрасно понимал, что Чжоу Синьи имеет в виду смерть Лян Мэньюй. Задетый за живое, он тем не менее сохранял внешнее спокойствие.

Этот вопрос причинил Чжоу Синьи боль, и он не нашёлся с ответом. Тогда он переформулировал:

— Почему вы не обратились в суд сразу после того, как она пришла в себя? Смеее утверждать, что у вас не было личных мотивов?

— Ты всегда такой, — Хэ Е даже не взглянул на него, и в его голосе звучали презрение и отвращение. — Нагадишь, а потом с чистой совестью обвиняешь тех, кто даёт отпор.

Чжоу Синьи не стал спорить. Он не мог. Каждое слово Хэ Е било в самую точку. Чувствуя вину, он смягчил тон.

К своему удивлению, Чжоу Синьи осознал, что чувство вины стало посещать его всё чаще...

— Я просто хочу сказать... если ненавидишь меня, не втягивай в это других, — тихо произнёс он. — Хуан Ган — мой брат, но...

Назвать Хуан Гана невиновным язык не поворачивался. Боясь разозлить Хэ Е ещё сильнее, он замолчал на слове «но».

— Прошло уже так много времени, с девушкой всё в порядке, Хуан Ган не совершил ничего непоправимого, — заговорил он снова, уже искренне. — Дайте ему шанс, оставьте всем путь к отступлению, хорошо? — Он помолчал. — Что случилось, то не исправить. Даже если ты уничтожишь Ган Цзы, это ничего не изменит. Если ей что-то нужно...

— Хватит, — резко оборвал его Хэ Е.

Тон Чжоу Синьи, полный самооправдания, резал ему слух.

— Сколько у тебя там капиталов, господин Чжоу? Сколько можешь отстегнуть? Надолго хватит? На год? На десять лет? На всю жизнь? А два года молодости, которые она пролежала в постели, на какие деньги оценишь?

Чжоу Синьи снова не нашёл, что ответить.

— И ты думаешь, твоих жалких десятков тысяч хватило бы на лечение человека в коме? — продолжил Хэ Е.

Этот вопрос пробудил в Чжоу Синьи любопытство.

— Тогда откуда у них деньги? — спросил он, глядя на Хэ Е. — Неужели ты...

Хэ Е отвернулся, погружаясь в воспоминания.

В те годы он был замкнут и не умел общаться с людьми. Проработав адвокатом несколько лет, он не добился ничего значительного. Та авария стала его первым крупным делом, и трусость пострадавших нанесла ему тяжёлый удар. Он начал сомневаться в своей профессии, в законе и даже в жизни. Он пытался уговорить их подать заявление, но реальной помощи оказать не мог.

Вспомнив это, Хэ Е вдруг сказал:

— Они отказывались писать заявление. Я приходил к ним несколько раз, уговаривал — всё бесполезно. Пока однажды не застал у них её, когда она приносила деньги.

Чжоу Синьи вздрогнул, и лицо его исказилось. Он, конечно, догадался, о ком речь.

— Она... откуда узнала? — прошептал он, и голос его дрогнул.

— А как думаешь, почему она с тобой рассталась? — Хэ Е не стал отвечать и продолжил. — Она представилась твоей девушкой, сказала, что приносит деньги от тебя. Позже я узнал, что вы к тому времени уже расстались. Она сказала, что эти деньги — твоя плата за расставание. И сумма была немаленькая...

Чжоу Синьи кивнул, словно в тумане. Деньги при расставании он действительно дал. Тогда он удивлялся, почему Лян Мэнъюй, никогда не бывшая меркантильной, вдруг попросила об этом.

Если Хэ Е знал об этом, значит, он говорил правду...

— Тогда она спросила меня: «Я же их не обманула, это ведь деньги Синьи, правда?» — Хэ Е закрыл глаза, погружаясь в сладкие и невозвратные воспоминания, где боль смешивалась с нежностью. — С тех пор я больше не мог ей ни в чём отказать.

Чжоу Синьи замер. Казалось, кровь в его жилах превратилась в лёд. В этот миг он будто всё понял и в то же время — ничего. В сознании мелькали образы Лян Мэнъюй: решительный разрыв, внезапное исчезновение, новость о её новых отношениях, её собственное признание в измене...

Но если слова Хэ Е правдивы, то какие же это новые отношения? Какая измена? Какая «третья»?

Выходит, всё это было делом его, Чжоу Синьи, собственных рук.

Воздух в комнате сгустился, стал тяжёлым и удушающим. Чжоу Синь молчал. Молчал и Хэ Е.

Сознание Чжоу Синь было пусто. Он не мог думать ни о чём, кроме боли. Невыразимой, всепоглощающей, заполняющей каждый уголок его тела. Особенно сильно — там, где должно биться сердце.

Хэ Е не открывал глаз, но прекрасно понимал, что творилось в душе Чжоу Синь. Как бы он ни отрицал это, сейчас он разделял с ним эту боль.

Потому что боль Чжоу Синь была и его болью. От этого ему становилось нестерпимо горько и яростно.

— Больно? — вдруг, без предисловий, бросил он. — Не заслуживаешь.

Медленно подняв веки, Хэ Е посмотрел на Чжоу Синь. То ли спрашивая, то ли констатируя:

— Почему за твои поступки расплачиваемся мы? Мэньюй была так молода... а теперь её нет. А я... я потерял её.

Чжоу Синь не мог вымолвить ни слова.

— Почему столько людей должны платить за твои ошибки! — Хэ Е понизил голос, с трудом сдерживая эмоции. — По какому праву?

— Так значит... из-за того случая... — прошептал Чжоу Синь так тихо, что едва слышал себя.

Но Хэ Е услышал. И от этого ему стало ещё горше. Он рванулся вперёд, схватил Чжоу Синь за плечи и заставил смотреть себе в глаза:

— По какому праву ты страдаешь? Убийца, который ещё и позволяет себе горевать, — это верх издевательства над жертвами.

— Хэ Е, хватит! — не выдержал наконец Хуан Ган.

Хэ Е обернулся на крик. Тот смотрел на него с таким гневом, что даже Чжоу Синь это показалось неожиданным.

Хуан Ган крупно шагнул вперёд, встал между ними и заслонил собой Чжоу Синь, разомкнув их взгляды.

Хэ Е, хоть и был человеком мягким и никогда не смотрел свысока на других, в глубине души сохранял некоторую интеллектуальную гордыню. Особенно он презирал тех, кто не дотягивал до его моральных стандартов. Поэтому Хуан Ган он не принимал с самого начала.

Нежелание развиваться — куда ни шло. Эгоизм — тоже можно понять. Но травить слабых, делать подлости и не чувствовать за собой вины — этого Хэ Е принять не мог.

В этом он был удивительно похож на Лян Мэньюй. Та, общаясь с Хуан Ганом из-за Чжоу Синь, всегда сохраняла вежливость и такт, но в душе тоже не питала к нему симпатии.

Она никогда не вмешивалась в дружбу Чжоу Синь с Хуан Ганом. Но когда Чжоу Синь сам стал ходить на него, начав делать тёмные, корыстные дела, Лян Мэньюй предпочла разорвать отношения и уйти, сломленная.

Тогда она любила Чжоу Синьши всем сердцем, и расставание далось ей нелегко. Но в конце концов она смогла выбраться из этой трясины и снова обрела право любить. Встреча с Хэ Е, любовь к нему стали для неё и величайшим счастьем, и величайшей трагедией.

Разница в мироощущении и жизненных принципах была пропастью, которую невозможно было перешагнуть.

Возможно, именно поэтому счастье Лян Мэньюй мог дать только Хэ Е. И только Чжоу Синьши мог его разрушить.

<http://bllate.org/book/15947/1425491>